

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

О.В. КОВЕНЕВА

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОТ МОДЕЛИ «ГРАДОВ» К ТЕОРИИ «МНОЖЕСТВЕННЫХ РЕЖИМОВ ВОВЛЕЧЕННОСТИ»

Основания французской прагматической социологии

Прагматическая социология — относительно новое направление в социальных науках Франции, пришедшее в 1980-е гг. на смену «поколению враждующих мэтров 1970-х гг.»: Рэймону Будону, Пьеру Бурдьё, Мишелю Крозье и Алену Турену [17, с. 296]. Это направление восходит к *социологии инноваций* Бруно Латурса и Мишеля Каллона [8, с. 97–107] и *социологии градов* Люка Болтански и Лорана Тевено [2; 6; 8, с. 153–162; 14; 16–18]. Оба эти направления, в отличие от многих других, дистанцировались от критической социологии Пьера Бурдьё [17, с. 296–297]. И хотя концепции Латурса – Каллона и Болтански – Тевено ощутимо отличаются друг от друга [17, с. 296–299], в силу некоторых общих черт их иногда вместе относят к «прагматическому повороту» в социальных науках [37, р. 53–75, 215–223], или к «прагматической социологии» [19, 21, 29, 39].

Одним из основных пунктов в полемике Болтански и Тевено с Пьером Бурдьё стал вопрос о характере отношения между социальными науками и *критикой* [22, р. 15–134]. Известный французский историк науки Франсуа Досс отмечает, что критическая парадигма, одним из основных представителей которой являлся Бурдьё, «подразумевает чёткое *разграничение научной и обыденной компетенций*, в результате чего компетенции обычных людей и их устремления не воспринимаются социологом всерьёз и рассматриваются лишь как

Ковенева Ольга Владимировна — аспирант Института социологии РАН, докторант Высшей школы социальных наук (EHESS) (Группа политической и моральной социологии (GSPM), Институт Марселя Мосса, UMR 8178, Париж). **Электронная почта:** okoveneva@mail.ru

заблуждения или иллюзии [курсив мой. — О.К.]» [37, р. 165–166]. В критической социологии Бурдьё единственный реальный мотив поведения индивидов — стремление к господству, и непосредственная задача социолога, выступающего в качестве критика-арбитра, — разоблачить, обнаружить скрываемую реальность.

Вместе с тем, как подчеркивает Л. Тевено, закрепление *критической способности исключительно за ученым* приводит к тому, что акторы предстают в отдельных социологиях то в виде своеобразных циников-стратегов, то в виде бессознательных существ, не ведающих, что творят [48]. Однако люди способны не только к расчету и выстраиванию индивидуальных стратегий. Им также свойственны различные формы совместного действия и общежития: способность дружить и любить, привязываться к людям и к месту проживания, искать компромисс, критиковать и принимать общие решения, вступать в различные союзы и объединения, быть солидарными и т. д. [47].

В рамках критической социологии трудно исследовать *ценностные ориентиры общества, моральные установки и принципы действия* и собственно *оценочные суждения* индивидов, поскольку социолог, по сути, не слышит актора и ищет за его мнимыми декларациями скрытые интересы, стратегии, холодный расчет или бессознательные действия. Сложность представляет и исследование *публичных конвенциональных действий*. В социологии Бурдьё любые социальные отношения рассматриваются исключительно в терминах господства и силы, и в этом его позиция напоминает *подозрительность* классиков К. Маркса и Ф. Ницше. Однако из виду упускается важнейшая характеристика публичного действия — его *совместный, объединяющий, общий* характер. Публичное действие предполагает способность акторов обобщать, переходить от единичного к общему, обсуждать общезначимые проблемы и аргументировать свою позицию в терминах общепринятых *ценностных ориентиров* и правил, умение участвовать в общем деле, действовать сообща.

Применение социологии Бурдьё вполне созвучно широко распространенным в современном российском обществе представлениям о конфликтной природе социальных отношений (человек человеку враг) и оставляет немного возможностей для широкой постановки вопроса о том, что и как объединяет людей. А.Б. Гофман отмечает: «В силу более или менее известных причин сегодня в России сформировался социальный тип человека, в глазах которого вражда — явление нормальное и естественное, вечное и неизбежное, тогда как согласие — своего рода патология, отклонение от нормы... Между тем, еще раз следует подчеркнуть, подлинная социальная наука, признавая и изучая различные конфликты, в целом совсем не считает их фактором, доминирующим в сравнении с солидарностью. В известном смысле солидарность — условие *sine qua non* социальной жизни; в

конце концов, прежде чем конфликтовать, люди так или иначе объединяются» [5, с. 103–105]. Комментируя современную российскую ситуацию, Гофман обращает внимание на то, что «у многих российских интеллектуалов сама мысль о реальности и необходимости некоторых базовых ценностей, признаваемых в национальном масштабе, пользующихся повсеместным уважением и объединяющих различные социальные силы и группы, вызывает заведомо негативную реакцию». Это объяснимо, «учитывая длительный и печальный опыт промывания мозгов россиян идеологическими машинами недавнего и далекого прошлого, сакрализации деспотической власти, культивирования всякого рода социальных мифов, в частности о светлом будущем и светлом прошлом» [5, с. 84]. Однако, по мнению ученого, необходимость поиска и исследования объединяющих ценностных начал общества является особенно актуальной для современной России, где наметились дефицит доверия и развитие циничных отношений: без объединяющих ценностных начал «невозможны ни социальный порядок, ни социальная идентичность, ни воспроизводство социальных систем, ни социальное взаимодействие, ни эффективное функционирование государственных институтов... невозможна нормальная жизнь общества как таковая» [5, с. 85].

В этом контексте *социология градуов* Болтански и Тевено предлагает один из возможных путей решения данной исследовательской задачи. Она позволяет изучать и формы объединения людей, и практикуемые в них ценностные ориентиры и формы оценочных суждений [16]. Полемизируя с Бурдьё, Болтански и Тевено предметом исследования сделали *критическую способность акторов* обосновывать свою позицию с точки зрения *общезначимых принципов и ценностей* в ситуации публичного обсуждения [2, 25]. Поэтому социология градуов известна также под названием социологии критики и социологии оправдания, а Л. Болтански однажды отнес ее даже к *лингвистическому повороту* в социологии, в котором внимание акцентируется на том, как сами акторы вырабатывают дискурсы, описывающие социальные действия [22, р. 56].

Во избежание ошибочных интерпретаций социологии градуов подчеркнем, что хотя Болтански и Тевено анализируют оценочные суждения субъектов в публичном пространстве, в отличие от сторонников лингвистической (семиотической) парадигмы в социальных науках они принципиально отказываются сводить социокультурную реальность к языку, дискурсам, смыслам, дискурсивному порядку и придерживаются *прагматического подхода* [22, р. 56].

Здесь идеи французской прагматической социологии созвучны теоретическим положениям, разработанным в рамках философской школы прагматизма. Для обоих направлений характерно внимание к реальности как *многогранному опыту*.

Наиболее основательно понятие *опыта* было разработано в работах Дж. Дьюи [34, 35]. Опыт, по Дьюи, — «это жизненный мир человека, многочисленные связи и взаимодействия, в которые он входит», это то, что «задает нормы поведения», это «наследие истории, культуры, цивилизации... и результат индивидуальной жизненной практики, трансформирующей природный и социокультурный материал» [20, с. 84–85]. Согласно *постулату непосредственного эмпиризма*, «вещи... суть то, как они переживаются в опыте. Поэтому, *если кто-то желает дать какой-либо вещи истинное описание, его задача заключается в том, чтобы сказать, как эта вещь переживается в качестве существа* [курсив мой. — О.К.]» [36, р. 393]. Познание здесь выступает «инструментом приспособления человека к окружающей среде, как природной, так и социальной», а «мерилом истинности теории — ее практическая работоспособность в данной жизненной ситуации» [13, с. 173].

Поскольку прагматисты ставят во главу угла практику и практическое использование объекта, критики иногда несправедливо причисляют прагматизм к теориям утилитаризма. Однако, как отмечает известный французский философ Ж. Деледаль, прагматисты были одними из первых, кто разоблачал материалистский (утилитаристский) уклон индустриального американского общества, упадок морали и погоню за успехом [31]. Действительно, практическая целесообразность понимается Дьюи не столько как выгода или польза, сколько как *опытная проверка объекта на адекватность ситуации*. Как отмечал сам Дьюи, прагматизм не следует понимать как поиск выгоды: «Я утверждаю, что термин “прагматичный” означает только правило соотнесения всего мышления, всех рефлексивных соображений с вытекающими из них *следствиями* для определения их смысла и *проверки*... По своей природе *последствия* могут быть любыми — эстетическими, моральными, политическими, религиозными (курсив мой. — О.К.)» ([33, р. 330]; цит. по [20, с. 91]).

Следуя прагматическому подходу, Болтански и Тевено подчеркивают, что «слаженность суждения не обуславливается одним только языком», а «релевантность высказывания не сводится к вопросу о риторических фигурах» [25, р. 165]. Если бы споры сводились к столкновению личных аргументов и суждений, им не было бы конца. Но споры — «это не просто дебаты и обмен мнениями», это испытания (*épreuves*), в которые вовлечены не только люди с их телесностью, но и предметы окружающего мира, служащие опорой суждениям» [25, р. 165–166]. «Споры не являются только вопросом языка. В споры вовлечены не только люди, но и значительное количество предметов: например, в случае профессионального спора — это компьютер, данные в котором были стертые; в случае спора между наследниками — это дом или земля; или в случае домашней сцены — посуда, которую

нужно вымыть, и так далее. Система анализа должна быть предназначена для того, чтобы рассматривать споры реального мира, то есть описывать то, каким образом споры связывают друг с другом людей и предметы» [2, с. 67]. Центральным элементом анализа в прагматической социологии становится *комплексная ситуация*, встреча человека с окружающим миром и другими людьми, своеобразное *испытание реальностью* (*épreuve de réalité*), в ходе которого человек *испытывает* себя и собственные суждения об этом мире на *адекватность* ситуации.

В своих работах Болтански и Тевено стараются, таким образом, избежать крайности тех последователей теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, которые сводят публичное пространство к публичным дебатам. Как отмечают французские социологи Д. Сефай и Д. Паскье, работающие в русле прагматической социологии, понять политическое действие исключительно на основе коммуникативных и интерсубъективных моделей невозможно. Политическое действие предполагает установление, стабилизацию и институционализацию некоторого материального пространства — пространства предметов, правил, форм организации акторов, служащего опорой для реализации общественной деятельности [30, р. 13–59].

Грады и миры значимости

Представив в самых общих чертах исходные положения французской прагматической социологии, остановимся более подробно на модели градов (*cités*) и миров (*mondes*), разработанной Л. Болтански и Л. Тевено в середине-конце 1980-х гг.

В программном труде (*De la justification: Les économies de la grandeur* [25]), первое издание которого вышло еще в 1987 г. под несколько иным названием [27], авторы предприняли попытку переосмыслить эпистемологический разрыв социологии с политической и моральной философией. Этот разрыв, характерный не только для истории социологии, но и для истории социальных наук в целом, в том числе экономики, некогда оправдывался необходимостью обосновать научный статус новых форм знания — *знаний об обществе*, сравнимых по своей объективности и точности со *знаниями о природе*. В социологии переход от метафизического знания к знанию научному, инициированный такими яркими мыслителями, как О. Конт, Дж. Ст. Милль, Л.А. Кетле, и блестяще завершенный Э. Дюркгеймом, неминуемо повлек за собой глубинные трансформации категориального аппарата. В частности, морально-философские категории *добра, добродетели, справедливости, блага, должно*, самым тесным образом связанные с проблемой *гармонии и согласия* человеческих отношений, были сведены к категории *социальных норм* — своеобразных *законов* человеческого поведения в обществе, исследование которых стало прерогативой ученого-социолога. В результате топика справедливости и справедливого согласия оказалась на периферии социологического знания и перестала привлекать внимание

социологов [25, р. 43–46; 43, р. 64–67].

Стремясь восстановить связь социологии с моральной и политической философией, Болтански и Тевено поставили перед собой задачу показать, что проблема справедливости важна не только для философии, интересующейся «вечными вопросами» бытия, но и для социологии, исследующей конкретные формы социального взаимодействия; что о справедливости пекутся не только теоретики-философы, разрабатывая модели идеального общественного устройства, но и *обычные люди*, пытаясь прийти к согласию в каждодневных практиках [25, р. 86]. Так вопрос о справедливости был перенесен из контекста метафизических сущностей и *высшей правды* в практическую плоскость, где *обыденное чувство справедливости* можно изучать социологическими методами.

Исследовательская программа Болтански и Тевено реализовалась в два этапа: сначала в *модели град* были сформулированы *общие принципы справедливости*, чья практическая реализация в социальном опыте была продемонстрирована в *модели миров*. Было показано, что *чувство правды* обнаруживает себя в социальных конфликтах и житейских ссорах, в публичных спорах о справедливости заведенного порядка и в суждениях о долге и ценностях от имени *общего мнения*, или *мнения общности*, в разоблачениях несправедливости и праведной критике явлений ничтожных или противоречащих ценностям установкам.

Рассмотрим оба этапа программы Болтански и Тевено. Исследуя различные дискурсы в различных ситуациях [24, 26, 32], французские социологи обнаружили значительное разнообразие в принципах оценки и формах достижения *справедливого* согласия. Возникла необходимость научно объяснить, как при сосуществовании разных принципов справедливости удастся достигать легитимного согласия; как использование различных ценностных критериев может признаваться *легитимным*, если одним из основных условий легитимности, казалось бы, является ориентированность на всеобщность и универсальность [25, р. 56]. Иными словами, нужно было выявить некие *общие принципы*, которые бы лежали в основании выражения *справедливой критики* и достижения *легитимного согласия*. Таких принципов было выявлено как минимум два: суждение в публичном споре признается справедливым и вызывает общее одобрение, если оно (1) основывается на *общепринятых эталонах значимости* и (2) проходит процесс *обобщения* (восхождения от частного к общему — *montée en généralité*) [25, р. 96–102].

Внутри каждого *града справедливости* действует свой *справедливый порядок* (*ordre de justice*). Порядок — это и справедливое положение вещей, и справедливая, оправданная, иерархически выстроенная по определенному *критерию значимости* последовательность элементов. Справедливый иерархический порядок определяет место всех входящих в град элементов — лиц, объектов, ситуаций — на единой шкале с полюсами *частного* и *общего*. Порядок в каждом граде организуется

вокруг специфического *общего блага* (*bien commun*), которому соответствуют свои моральные установки и свои формы *справедливой оценки* (квалификации) всех элементов града.

Помимо споров и конфликтов, анализ которых позволил выявить различные формы легитимного оправдания действий, при построении модели множественных *градов справедливости* Болтански и Тевено обратились к классическим трудам по моральной и политической философии, в которых были предприняты попытки обосновать значимость той или иной формы *добра* — *общего блага*. В результате этой работы выделено шесть градостей справедливости (табл. 1).

Таблица 1

Модель градостей справедливости и миров оценки Л. Болтански и Л. Тевено

Градости справедливости / миры оценки	Высший общий принцип («общее благо»)	Формы проявления значимого качества	Философский труд	Пособие по предпринимательству
Град / мир вдохновения	Вдохновение	Творчество, чувственность, личностный порыв, необычность, спонтанность, безудержность, восприимчивость, эмоциональность, стихийность	Блаженный Августин «О Граде Божием»	Demory B. La créativité en pratique. Paris: Chotard, 1974
Патриархальный град / мир	Триада Род–Иерархия–Традиция	Личное доверие, тесные связи, личная зависимость, личное расположение, лояльность, иерархия, авторитет, традиционность, приверженность прошлому	Боссиюэ «Политика, извлеченная из самых слов Священного писания»	Camusat P. Savoir-vivre et promotion. Paris: Editions d'organisation, 1970
Град / мир репутации	Репутация	Известность, престиж, именитость	Гоббс «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»	Schneider C. Principes et techniques des relations publiques. Paris: Delmas, 1970
Гражданский град / мир	Общая воля	Коллективизм, равенство, солидарность, единение, законность	Руссо «Об общественном договоре»	CFDT. Pour élire ou désigner les délégués. Paris: Alsatia, 1983. CFDT. La section syndicale. Paris: Alsatia, 1981
Рыночный град / мир	Конкуренция	Цена, обмен, товарные отношения	Адам Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов»	What they don't teach you at Harvard Business School. Toronto; New York: Bantam Book, 1984
Град / мир науки и техники	Эффективность	Производительность, эффективность, научность, единство науки и промышленности, планирование	Сен-Симон «Организатор», «О промышленной системе» «Катехизис промышленников»	Pierrot M. Productivité et conditions de travail; un guide diagnostic pour entrer dans l'action. Paris: Entreprise moderne d'édition, 1980

Град вдохновения (la cité inspirée) был смоделирован с опорой на концепцию виднейшего представителя патристики Блаженного Августина, обосновавшего значение *града Божиего*, основанного на милосердии, любви к ближнему, самопожертвовании. В отличие от града земного, все обитатели града Божиего всецело отдаются *благодати*, ниспосланной свыше, тем самым достигая согласия [1]. Объединяющим началом служит вдохновение, высшая сила, овладевающая человеком. Здесь нет места себялюбию, гордыне, тщеславию, расчету, алчности. Здесь ценятся смирение, скромность, самопожертвование, аскетизм, внимательность, спонтанность, способность верить свое тело и душу власти чувств и эмоций, отдаваться порыву вдохновения. Неслучайно наиболее значимыми в этом граде являются лица, исполненные вдохновения: святые, мученики, артисты, вдохновенные поэты [25, p. 107–115].

В основу модели *патриархального града (la cité domestique)* легло произведение Ж. Боссюэ «Политика, извлеченная из самых слов Священного Писания» [3, 28]. В этом сочинении отстаивается идея божественного происхождения абсолютной власти монарха, воплощающего в себе *заботливого отца* королевства. Власть передается по наследству, и ее легитимность обусловлена непрерывностью королевского рода. Монарх связан со своими подданными *личными отношениями подчинения*. *Иерархия* является краеугольным камнем патриархального града. Она узаконена *традицией* и пронизывает все отношения лиц в патриархальном граде, обеспечивая общее согласие: отношения вельмож и подданных, внутрисемейные (дети и родители; старшие и младшие братья, сестры) и родовые отношения (старшее и молодое поколения, деды и внуки). Патриархальный град зиждется, таким образом, на общем благе, составленном триединством «иерархия – род – традиция» [25, p. 116–126].

Для *града репутации (la cité de l'opinion)* в качестве образца было взято сочинение Т. Гоббса «Левиафан», в частности его философские размышления о природе почести [4]. Мерилом значимости в граде репутации является *мнение* окружающих, создающее дурную или добрую *славу* лицу или вещи. Общественное *признание*, всеобщее *уважение* гарантирует лицу *известность, именитость*. Существенную роль при этом играют условные знаки отличия, свидетельствующие о большей или меньшей именитости [25, p. 126–137].

В *гражданском граде (la cité civique)* общим благом является *общая воля* в соответствии с концепцией общественного договора Ж.-Ж. Руссо [11]. В отличие от града патриархального высшая власть в гражданском граде не воплощена в единоличных полномочиях монарха, а осуществляется через *коллегиальное правление граждан*, объединенных отношениями *солидарности*. Именно обезличенный, коллективный, характер власти, ее способность отражать *волю всех*

вне зависимости от частных интересов и обеспечивает легитимное согласие в этом граде [25, p. 137–150].

При построении модели *града науки и техники* (*cit  industrielle*) Болтански и Тевено обратились к сочинениям французского утописта А. Сен-Симона, теоретика индустриального общества, известного критика образа жизни знати, дворянства и института наследования [41]. В своих трудах Сен-Симон славил *прогресс* и ратовал за построение нового общества — общества *промышленников и ученых*, говоря современным языком, общества экспертов и профессионалов. Социальное устройство мыслилось им как сложная *организация*, каждый из элементов которой четко выполняет отведенные ему *функции*. Прогресс Сен-Симоном связывался с развитием *научного знания и промышленности*. В этом граде, согласно Болтански и Тевено, справедливое согласие обеспечивается общей ориентированностью деятельности на *практику, полезность, результативность. Эффективность* рассматривается здесь как общее благо, отвечающее *потребностям и нуждам* всех [25, p. 150–157].

Для экспликации *рыночного града* (*cit  marchande*) было взято сочинение Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [12]. Значимость людей в этом граде определяется их материальным *состоянием, богатством, успешностью*, то есть способностью стать счастливым *обладателем редких благ*, а значимость вещей определяется их *ценой*. Взаимодействие лиц, движимое *общим желанием обладать*, принимает форму *конкуренции, соперничества* за владение ценными вещами или возможность *обменивать их*. Общій, повсеместный характер *конкуренции* обеспечивает справедливое согласие в рыночном граде [25, p. 60–82].

Если грады представляют собой *метафизические* построения, модели справедливого социально-политического устройства, то *практической реализацией* градов в социальной *действительности* являются соответствующие *миры* [25, p. 250–262]. Если *грады* моделировались на основе философских произведений, то *миры* разрабатывались на основе отобранных *пособий-руководств по практической деятельности*, в каждом из которых обосновывался определенный стиль поведения (см. табл. 1). Подобно градам, в каждом мире действуют свои критерии оценки правильного, должного поведения. В *мире вдохновения* ценится творческий подход, оригинальность, спонтанность, эмоциональность. *Патриархальный мир* основан на привязанности к близкому окружению, к своим; здесь ценятся авторитет, традиции, взаимодоверие, личные отношения. Для *мира репутации* имеют значение престиж, известность, признание, слава, почет. *Гражданский мир* основан на солидарности, равенстве, общих интересах. *Рыночный мир* ориентирован на конкурентные отношения. В *мире науки и техники* ценится профессионализм, компетентность,

научность, эффективность, организаторские способности. Каждый мир конституируется типичными объектами (приборы, товары, предметы искусства, дом и т. д.) и типичными представителями (инженер, предприниматель, художник, кинозвезда и т. д.). Все объекты и люди квалифицируются в согласии с соответствующим высшим принципом и выстраиваются иерархически в зависимости от степени обладания значимым качеством.

В любом мире всякое оценочное суждение постоянно подвергается *испытанию (épreuve)*, проверке на *адекватность ситуации*. Внутри *миров* идет совместная деятельность людей, через которую метафизические правила и принципы справедливости реализуются, взаимно дополняются и влияют друг на друга.

Публичные споры, в которых единичные ситуации возводятся в ранг общезначимых, неизбежно выливаются в прямые столкновения принципов различных миров. Иногда столкновения принимают форму взаимной критики миров и разоблачений [25, р. 291–334], иногда же в оценочных суждениях достигаются локальные компромиссы, и тогда в аргументации комбинируются принципы различных миров [25, р. 357–407].

Задача социолога-исследователя — проследить, как чувство справедливости акторов реализует себя во множестве оценочных суждений и соответствующих практиках.

Плюрализм без релятивизма в кросскультурных исследованиях

Учет плюрализма принципов справедливости, координирующих человеческую деятельность, роднит подход Болтански и Тевено с концепцией *множественных сфер справедливости* Майкла Уолзера [49]. Однако было бы ошибкой отождествлять эти теории [25, р. 28]. По Уолзеру, каждая сфера справедливости замкнута на себя, представляет собой особую институцию (рынки, семьи, образовательные учреждения, структуры здравоохранения и др.) и регулируется исключительно каким-то одним из шести указанных принципов: 1) каждому одно и то же (эгалитарное равенство); 2) каждому по потребностям; 3) каждому по заслугам; 4) каждому по рангу; 5) каждому по профессиональной пригодности; 6) каждому что положено по закону. Например, Уолзер настаивает на том, что в либеральном обществе медицинское обслуживание должно распределяться исключительно в соответствии с потребностями, а должности — с заслугами и профессиональными качествами (подробно см. [9]).

В модели Болтански и Тевено разные *миры взаимодействуют* в конкретной ситуации или социальной организации и являются соизмеримыми. А общие блага, несмотря на внутреннюю иерархию миров, *равнодоступны и открыты* всем социальным акторам. Это сближает их модель с концепцией Джона Ролза [25, р. 29], в частности со вторым принципом его теории справедливости, согласно которому социальные и экономические неравенства могут рассматривать-

ся как справедливые только при условии, что преимущества от них распространяются на всех, в том числе и на самых неблагополучных лиц, и что доступ к различным положениям открыт для всех [10, 40]. Кроме того, модель Болтански и Тевено предполагает наличие *общих для всех миров принципов*, регулирующих выражение чувства справедливости и критику несправедливости в публичном пространстве [25, р. 96–102]. Одним из важнейших является принцип *общности человеческой природы*, предполагающий:

— ориентированность каждого *града и мира* на значимые для всего человечества блага;

— возможность каждого обращаться к разным принципам справедливости для обоснования своей позиции;

— запрет на постоянное закрепление значимых качеств за конкретными лицами и объектами.

Существенное значение имеет и собственно прагматический принцип: обязательное испытание реальностью суждений, содержащих оценки и приписывающих те или иные качества людям и объектам.

Таким образом, в центре внимания социологов оказываются *не замкнутые на себе миры, а столкновение принципов различных миров и их возможные комбинации в рамках той или иной социальной организации или конкретной ситуации*. Объектом анализа становятся не только коллективы, учреждения, предприятия и т. п., но и личная жизнь, домашнее хозяйство, малые локальные и крупномасштабные национально-государственные, культурно-политические и международные сообщества [15, с. 286]. Цель анализа — обнаружить элементы, конституирующие различные общности, и выявить основные принципы координации между ними.

Прагматизм преодолевает *релятивизм ценностей*, характерный для исследований, в которых просто фиксируется *разнообразие оценочных суждений, ценностей и принципов справедливости* [48] и при этом не ставится вопрос об их возможном сочетании и взаимодействии в социальном опыте, избегает крайности (лингво)культурологических исследований, основанных на эссенциалистских и менталистских позициях, которые обосновывают несоизмеримую уникальность культур и языков. Лоран Тевено отмечает: «Этот подход позволяет избежать релятивизма в духе Макса Вебера, и тем более — культурологического фундаментализма. В силу направленности на всеобщность и значимость для всего человечества порядки величия (*ordres de grandeur*) делают соизмеримыми культурные ценности самых разных обществ и культур и позволяют достичь при их анализе симметричного подхода. Соизмеримость ценностей и их расширение вплоть до общечеловеческого уровня особенно явно прослеживаются на таких примерах. Независимо от тех или иных культурных особенностей технократический град нацелен на эффективность техник и методов. Рыночный град

направлен на всеобщую конкуренцию в рамках мирового рынка. Град репутации, обслуживаемый, в частности, средствами массовой информации, — на пиар мировых знаменитостей и тиражирование мировых брендов. И, наконец, гражданский град устремлен к солидарности и равенству в универсальных масштабах. Что касается патриархального мира, в котором ценятся традиции и обычаи, то на нем следует остановиться отдельно. Действительно, культурное своеобразие того или иного общества или социальной общности в значительной степени определяется его традициями и обычаями. Не случайно именно апеллирование к обычаям зачастую используется для обоснования тезиса о существовании непреодолимых различий между культурами. Тем не менее, какими бы разнородными и пестрыми ни были обычаи различных обществ в мире, все эти обычаи объединяет одна черта — направленность на патриархальный порядок величия и признание значимости традиции» [15, с. 289–290].

Разнообразие форм вовлеченности в мир

Собственные социологические изыскания Л. Тевено привели к включению концепции градов и миров в общую теорию действия, в которой учитывается не только многообразие публичных форм обоснования и действия, но и менее обобществленные формы взаимодействия человека с окружающим миром и другими людьми. Так была разработана теория множественных режимов вовлеченности [43–47; 14; 17, с. 299–303].

Вовлеченность в мир — это не просто субъективный *смысл*, представление или ценностный ориентир, влияющий на характер описания предметной ситуации. Она имеет два вектора: направленность на реальность (здесь вовлеченность в мир предполагает социальное действие, испытание реальностью, исход которого заранее не предрешен) и направленность на ту или иную форму блага большей или меньшей степени обобщения, определяющую оценочное суждение. Преодолевая традиционные для социальных наук бинарные оппозиции частного — публичному, индивидуального — общественному, Тевено предложил различать режимы вовлеченности на трех уровнях обобществления:

1) режим публичного обоснования (*régime de justification*), соответствующий действию в публичном пространстве;

2) режим интенционального, или планового действия (*action en plan*), соответствующий рациональному действию индивидуального субъекта, основательно разработанному в экономической теории и социологических теориях рационального выбора;

3) режим близости (*régime de familiarité, régime du proche*), соответствующий максимально личностным формам вовлеченности в мир.

Каждому формату вовлеченности соответствует особый вид оценки и особая модель деятельности. *Режим публичных обоснований* связан с высшими общими принципами, общими формами блага и

предполагает публичное действие. *Режим планового действия* связан с более ограниченным благом — например, поставленной индивидом целью — и основан на индивидуальном действии, осуществляемом в соответствии с намерениями агента. Оценочные суждения этого уровня предполагают оценку объектов и деятельности с точки зрения функциональности и результативности. Наконец, *режим близости* связан с взаимодействием человека с близким окружением и основан на привязанности (не только к людям, но и к вещам). В этом режиме вещи наделяются ценностью постольку, поскольку они даруют человеку ощущение простоты и уюта в привычном мире.

В зависимости от формата вовлеченности в мир меняется и роль языка. Деятельность в формате *близости* часто не сопровождается вербализацией и в коммуникации большую роль играют привычные мимика и жесты. Формат *публичных конвенций* предполагает умение представить свою деятельность в виде логичного и аргументированного отчета, содержащего конвенциональные квалификации. Что касается *интенционального действия*, то координация субъектов в этом режиме опирается «на разделение субъектов и объектов в соответствии с классическим понятием действия. В отличие от своего рода “заботы”, которая управляет режимом близости и конвенциональных квалификаций, управляющих режимом оправдания, согласование в режиме интенционального действия относится к успешному выполнению регулярного действия. Базовая структура языка, с его грамматикой подлежащих, сказуемых и дополнений, хорошо соответствует этому режиму» [14, с. 102–103].

Подчеркнем, что, вопреки имеющему некоторое распространение в социальных науках мнению, Тевено не считает «индивидуальное состояние» первичным состоянием человека. Основным качеством данного состояния является автономность и независимость индивида от близкого пространства и близких связей. Такой автономный индивид использует окружение как *функциональный ресурс* для запланированного действия, и наиболее адекватной формой взаимодействия индивидов является *контракт*, фиксирующий интересы и обязательства сторон.

Но наиболее отстранен от близкого пространства публичный режим вовлеченности, направленный на достижение наиболее общего блага. Схематично архитектура режимов вовлеченности представлена в табл. 2.

Важно подчеркнуть, что Тевено не считает «режимы вовлеченности» разными формами реальности, не имеющими между собой точек соприкосновения. Основным для него остается вопрос о взаимодействии (проблематичном и успешном) режимов вовлеченности, о способах перехода от одного формата вовлеченности к другому и о соотношении связанных с ними оценок и форм блага. Эта проблематика исследуется как на материале французского общества, так и в кросс-культурных исследованиях.

Таблица 2

Характеристики режимов вовлеченности

Режим близости (Régime du proche)	Режим планового действия (Régime de l'action en plan)	Режим публичного обоснования (Régime de la justification)
<ul style="list-style-type: none"> • Персональные формы вовлеченности в мир • Удобство, уют • Знакомая, привычная, приятная среда • Простота • Привычный мир • Близкое окружение • Непосредственные отношения и общение, непосредственные контакты • Привязанности, близкие связи и отношения • Человек тесно вписан в свое окружение • Близкие вещи являются продолжением тела человека • Приспособление к близкому пространству, обживание близкого пространства • Приспособление своего пространства для проживания и привычного пользования • Забота, бережное отношение, внимание 	<ul style="list-style-type: none"> • Функциональное действие • Инструментальное действие • Намеренное действие, намерение, интенция • Индивид, носитель проекта • Автономный индивид • Самостоятельный индивид • Ответственный индивид • Рациональный субъект • Волевая и решительная личность • Воля • Индивидуальный план, индивидуальная цель, стратегия • Стратегический рациональный выбор • Расчет, планирование • Взаимовыгодный контракт • Функциональное схватывание реальности • Среда как функциональный ресурс • Функциональное инструментальное использование вещей 	<ul style="list-style-type: none"> • Публичные действия • Публичное обоснование • Публичные акторы • Конвенциональные легитимные оценки • Конвенциональное поведение и взаимодействие • Опосредованные отношения • Общезначимые высшие принципы оценки • Общие блага • Общий интерес

Теоретико-методологический подход к социальному действию, разработанный Л. Болтански и Л. Тевено, привлекает внимание исследователей к оценочным суждениям, высказываемым в публичном пространстве. Моральная составляющая социального действия представляет несомненный интерес для социологии культуры и особенно для сравнительного исследования культур. Подход Болтански и Тевено дает возможность выйти за рамки микроисследования, благодаря фиксации обще значимых моральных принципов, отражающих представления о справедливости в культурах двух стран. Кроме того, он позволяет избежать упрощенной редукции социальных конфликтов к столкновению социальных классов и других противоборствующих сторон, отстаивающих частные интересы, или к оппозиции власти гражданскому обществу. Будучи более нюансированным, подход

позволяет на основе анализа множественных форм вовлеченности социальных акторов в публичную сферу выявлять универсалии в их ценностных позициях.

Наконец, модель разноуровневых режимов вовлеченности, разработанная Л. Тевено, позволяет при исследовании сферы публичного отказать от жесткой дихотомии развитости или отсталости гражданского общества, не только выявлять актуально возможные сочетания, переходы и переключения между режимами, но и диагностировать трудности и преграды, стоящие на пути к формированию публичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Августин Аврелий*. О граде Божиим // Августин Аврелий. Творения: в 4-х т. / Блаженный Августин. Т. 3. СПб.; Киев: Алетейя; УЦИММ-Пресс, 1998.
1. *Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности / Пер. с англ. К.А. Виноградовой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3.
2. *Боссюэ Ж.Б.* Политика, извлеченная из самых слов Священного Писания. СПб.: Императорская типография, 1802.
3. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
4. *Гофман А.Б.* Социология и гражданская религия в современной России // Социология и современная Россия / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
5. *Ковенева О.В.* Тернистый путь защитника природы: экологическое действие в России и во Франции // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2006. № 2 (46).
6. *Копосов Н.* Замкнутая теория символов // Копосов Н. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: НЛО, 2005.
7. *Коркюф Ф.* Множественность режимов действия у Люка Болтански и Лорана Тевено // Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.
8. *Печерская Н.В.* Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер? // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
9. *Ролз Дж.* Теория справедливости / Пер. и ред. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995.
10. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. М.: Канон-пресс-Ц; Terra, 2000.
11. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2007.
12. *Спиркин А.Г.* Ч. Пирс. У. Джемс. Дж. Дьюи // Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2005.
13. *Тевено Л.* Какой дорогой идти? Моральная сложность обустроенного человечества / Пер. с англ. А.В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3.

14. *Тевено Л.* Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности / Пер. с франц. О.В. Ковенева // Новое литературное обозрение. 2006. № 77.
15. *Тевено Л.* Наука вместе жить в этом мире / Пер. с франц. Д. Калугина // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2004. № 3 (35).
16. *Тевено Л.* Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой / Перевод с франц. А.Д. Хлопина под ред. О.А. Оберемко // Социологический журнал. 2006. № 1/2.
17. *Тевено Л.* Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой / Пер. с франц. А.Д. Хлопина под ред. О.А. Оберемко // Социологический журнал. 2006. № 3/4.
18. *Хархордин О.В.* Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1.
19. *Юлина Н.С.* Джон Дьюи // Философы XX века: Кн. 1. М.: Искусство – XXI век, 2004.
20. *Bénatouil T.* Critique et pragmatique en sociologie : quelques principes de lecture // Annales HSS. 1999. No.°2.
21. *Boltanski L.* Ce dont les gens sont capables // Boltanski L. L'Amour et la Justice comme compétences. Trois essais de sociologie de l'action. Paris: Métailié, 1990.
22. *Boltanski L., Chiapello E.* Le nouvel esprit du capitalisme. Paris: Gallimard, 1999.
23. *Boltanski L., Darré Y., Schiltz M.-A.* La dénonciation // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984. Vol. 51.
24. *Boltanski L., Thévenot L.* De la justification: Les économies de la grandeur. Paris: Gallimard, 1991.
25. *Boltanski L., Thévenot L.* Finding one's way in social space: A study based on games // Social Science Information. 1983. Vol. 22. No. 4–5.
26. *Boltanski L., Thévenot L.* Les économies de la grandeur. Paris: PUF; Centre d'Etude de l'Emploi, 1987.
27. *Bossuet J.-B.* Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte. Genève : Droz, 1967 [1709].
28. *Breviglieri M., Stavo-Debaugé J.* Le geste pragmatique de la sociologie française // Anthropologica. 1999. No.°7.
29. *Cefaï D., Pasquier D.* Les sens du public. Publics politiques, publics médiatiques. Paris: PUF, 2003.
30. *Deledalle G.* Le pragmatisme // Encyclopaedia universalis France SA; version multimédia. 2003. No.°9. [Электронный ресурс; Мультимедиа-энциклопедия, 6 электрон. опт. дисков.]
31. *Desrosières A., Thévenot L.* Les catégories socioprofessionnelles. Paris: La Découverte, 1988.
32. *Dewey J.* Essays in experimental logic. Chicago: University of Chicago, 1916.
33. *Dewey J.* Experience and Nature. Chicago: Open Court, 1925.
34. *Dewey J.* Reality as experience // The Journal of Philosophy, Psychology and

- Scientific Methods. 1906. Vol. 3. No.°10.
35. *Dewey J.* The postulate of immediate empiricism // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1905. Vol. 2. No.°15.
 36. *Dosse F.* L'empire du sens. L'humanisation des sciences humaines. Paris: La Découverte & Syros, 1997.
 37. *Lafaye Cl., Thévenot L.* Une justification écologique? Conflits dans l'aménagement de la nature // Revue Française de sociologie. 1993. Vol. 34. No.°4.
 38. *Nachi M.* Introduction à la sociologie pragmatique. Paris : Armand Colin, 2006.
 39. *Rawls J.* A theory of justice. Oxford: Oxford University Press, 1973.
 40. *Saint-Simon C.-H. de.* Oeuvres. Paris: E. Dentu, 1869.
 41. *Thévenot L.* A l'épreuve des grands principes // Sciences humaines. 1998. No. 79 (janvier).
 42. *Thévenot L.* L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. Paris: La Découverte, 2006.
 43. *Thévenot L.* L'action comme engagement // L'analyse de la singularité de l'action / Sous dir. J.-M. Barbier. Paris: PUF, 2000.
 44. *Thévenot L.* L'action en plan // Sociologie du travail. 1995. Vol. 37. No. 3.
 45. *Thévenot L.* Le régime de familiarité: des choses en personnes // Genèses. 1994. No. 17. Sept.
 46. *Thévenot L.* The two bodies of May 68: In common, in person // The disobedient generation: '68ers and the transformation of social theory / Ed. by A. Sica, St. Turner. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
 47. *Thévenot L.* Un pluralisme sans relativisme? Théories et pratiques du sens de la justice // Justice sociale et inégalités / Sous dir. de J. Affichard, J.-B. de Foucauld. Paris: Esprit, 1992.
 48. *Walzer M.* Spheres of justice. A defence of pluralism and equality. New York: Basic Books, 1983.